

Ефремова гора

Проткните водяную крысу, и вы услышите такой же звук, какой издаст тогда мир. И почему только он молчит? ведь решение уже, непременно, совершено: это точно известно. Сколько лет прошло с их согласия, да город не сходит в воду. Город ждёт, когда будет мир и безопасность. Внепоколенные гиганты ещё томятся: они смиренной, склоняющейся лицом жертвой ожидают, когда Ему это захочется. Можно сказать вполне уверенно, что Он получает удовольствие от игривого издевательского подёргивания, от представления иллюзии спасения; Ему очень нравится улыбаться, в кошмаре сочащейся бордовым золотом тени дробя звёзды блеском, тут же расходящимся мелким аквамарином.

Утро в доме Иеремии, Дани и Игоря началось с грохнувшейся на голову Ери полки. Полка упала примерно в три часа ночи, причём студент проснулся не от болезненного удара её острого уголка, но благодаря мяуканьям Игоря. Пробудившись от довольно звучного, произошедшего поблизости падения, кот неожиданно обнаружил в себе крайнюю потребность в еде. Так, Игорь, слоняющийся между обыкновенно кричащим во сне Даней и совершенно непробиваемым Иеремией, решил перебить вопли второго хозяина своим громким обращением. Еря, давно уже привыкший не слышать криков друга, всегда быстро реагировал на голос любимого кота, отчего Игорь нередко будил сговорчивого хозяина, иногда портя тому сон всего за час до и без того малоприятного пробуждения.

Ещё отходящий от слепоты, давящей даже еле видные осколки отражающегося в комнате света, Иеремия опёрся о свою руку и окончательно уронил на скрипучие деревянные доски неожиданно оказавшуюся перед ним полку. Полностью выдранные из стены дюбели сдули на пока чуть покрывающее тело студента одеяло бетонную крошку, осыпавшуюся также, что он тут же заметил, и на лицо. Медленно выплёвывающий изо рта пыль, осевшую на нём тяжёлым режущим песком, он стряхнул сероватую крошку с мелкими кусочками разбитой в отдельных местах стены, снял с ноги лёгкими, скорее условными движениями мешающий мусор и направился на кухню, где удовлетворил продолжающиеся всё это время просьбы Игоря. Не умывшись и не удалившись к туалету, Иеремия вернулся и несколько секунд озадаченно глядел на сопровождающуюся криком Дани проблемную ситуацию. Студент, продолжительное время мучимый совестью и внезапностью засады, так и не смог уснуть. Он занимался учёбой и готовил, но всё время, пока красное, проглатывающее холодную темноту солнце восставало, его не покидали тревожные мысли: мысли, общем, совершенно ненужные и вредные; волнение не решит дело и не предложит никакой идеи, однако Еря, держащий свои страхи только в себе, всё же имел право на беспричинное расстройство, вызванное исключительно неизвестностью, растворяющейся в дымке

рассеивающегося лязгающим пискom дома, прежде, как думал студент, единственного устойчивого и безопасного места.

Даня проснулся позже обычного и решил прогулять занятия именно из самоотверженного ленивого желания помочь с установкой полки. С самого начала он отчего-то вошёл во вкус и стал относиться к Ере в этой ситуации по-отцовски, будто сам хоть когда-либо устанавливал что-то сложнее небольшой тумбы с заводскими креплениями. Иеремии это не понравилось, однако тот решил потворствовать нелепой странной блажи друга, очевидно, смыслящего в строительных работах даже меньше. Коварный Даниил планировал это дело исключительно со стороны прораба, оставляя почти все серьёзные задачи на Ерю: вероятно, то он делал именно из страха неудачи, так сильно неудобной продолжению его бесцветной, и без того часто колеблемой иными непредвиденностями жизни. Сперва, чем Еря верно прервал речи ещё не сбросившего с себя одеяло Дани, необходимо было уведомить о произошедшем хозяйку; в связи с наступлением утра уже для всех, а не только для молчаливо стонущего нервами парня, это наконец стало возможным. Хозяйка оказалась сговорчивой и здесь, даже предложив помощь с инструментами, при этом не забывая об Игоре, которого советовала на время оставить с кем-то в подъезде, поскольку такой громкий шум мог бы не только испугать, но и оглушить любимого толстого кота.

Даниил, крайне неуместно влезший в разговор и потребовавший громкой связи, сказал, что помощь не нужна и что проблему с инструментами он сможет решить благодаря родителям, жившим, по его словам, не так далеко. Рассеянным пренебрежением хозяйка согласилась, хотя знала: они живут почти на другом конце города. После разговора по телефону Даня не стал пояснять свой обман, а только вспотевшим гордым взглядом направился на кухню, чтобы слёзно выпрашивать у отца помощь. Тот согласился, но сказал, что весь день будет на работе, и поэтому сын должен сам приехать к ним, уехав уже точно на такси, поскольку небольшой бокс с инструментами, свёрлами и дюбелями, также затерявшимися в его середине, был слишком небольшим, чтобы в нём так уж необходимо было копаться на месте, и слишком крупным, чтобы его транспортировкой можно было бы заняться на четырёх автобусах, на которых единственно и можно добраться от ребят до родителей парня; по крайней мере, с самого утра занятый работой отец студента сказал именно так, а неожиданно тихо согласившийся с этим, обыкновенно дерзковатый и небрежный Даниил не стал даже думать о других вариантах. Таким образом, Даня, действительно готовый потратить немало денег и провести половину дня в дороге, уехал уже к десяти утра. После этого Иеремия обсудил с хозяйкой технические детали по поводу данного дела: решено было только слегка сместить полку вправо, чтобы не утруждать себя заделыванием невидных мелких отверстий. До конца Еря не понимал, совершил ли его друг прозрачную в своей

тупости и серьёзную потерями для студентов ошибку или нет: хотел ли он сделать это решительно сегодня или попросту не подумал о возможности проведения работ уже завтра, после того, как отец его привёз бы вечером инструменты.

Я, вероятно, мог провести сегодняшний день исключительно за работой с полкой, однако особенного желания растягивать на часы простое дело у меня не было. С помощью завалившейся на балконе рейки и небольшого уровня, купленного через полчаса после горячего отъезда Дани, я быстро, хотя и со второго раза, сделал на несущей стене разметку. Дальнейшее время я имел право отвести на условность ожидания соседа, но решено было всё же сходить на единственную сегодняшнюю пару. Последние смены выставили, никак не прислушиваясь к моим просьбам, и потому лишь в почти полностью свободные от учёбы дни я не обременён иными рабочими трудностями.

Игорь, которого я ещё два раза со своего возвращения из магазина покормил, перестал мяукать и осел где-то у открытого сверху окна, иногда выпрямляясь, чтобы мелкими кивками принохиваться к уличному воздуху. Покрытая радиоактивными пятнами солнца комната еле видно почернела, да всё продолжала отдавать каким-то особенным, покалывающим изнутри домашним теплом, отчего-то воспалившимся именно сейчас, когда её часть, обыкновенно снятая чернотой тени, открывается привычным куском побитой стены. Я вышел из сочащегося рыхлой тяжестью подъезда и направился к уже давно привычной дороге. На улице становилось всё теплее, и напотевшие длинными полосами лямки рюкзака накапливали во мне сожаление о настоящем решении не пропустить пару, на которой не только не отмечают, но где моё присутствие не имеет значения в целом. Я преодолел дорогу, на которой сбили дедушку, тогда куда-то несущего Игоря, и хотел было свернуть к другому пути, совершенно равнозначному первому, да передо мной возник мужчина, никак не вписывающийся в привычное, внимательно огранённое пением птиц и частым гудением проезжающих мимо машин окружение. Правая рука его была покрыта чёрной нитриловой перчаткой, что он использовал, видимо, для усиления звучности щелчков, начавшихся сильно раньше моего приближения; сам он одет в видную издалека длинную майку, кончающуюся только у колен и полностью просвечивающую тело, покрытое рыжеватыми, подобными тонким грубым медным лескам волосами. Короткие обтягивающие шорты кислотно-жёлтого цвета едва заметно проявлялись за длинным шлейфом майки, а обут же он был, как ни удивительно, в подранные замшевые туфли.

— Чертовский день. Согласен? — неровно выбритое лицо его выделяло во внешности бездомного самую складную, схожую с дикторской громкую басистую речь. Думается, человек этот родился не в ту эпоху, однако заинтересованность Иеремии всё же сбивалась заурядностью появления в этом районе людей, потерявших рассудок или стыд. Оттого студент

только вежливым молчанием перешагнул разделяющий их бордюр и устремился в сторону, да тот... — Верно, ты не так меня понял. Я человек с принципами. После родов моя жена больше не могла рожать, и потому я бросил и её, и своего ребёнка. Я всё потерял, а теперь двадцатитрёхлетний сын считает меня худшим из людей. Кто не играет, тот никогда и не сможет выиграть, чувствуешь? — бодряя улыбка его несколько не выделяла человека опустившегося, в том задоре было нечто новое, не подобное обыкновенной весёлой истерике уже ни на что не надеющихся людей. — Понимаешь, низкие ставки порождают низких людей. Я же ставлю всегда по-крупному. Проигрыши не говорят, что ты никогда не сможешь выиграть. Их существование только просеивает тебе потенциальный путь среди слабых людей.

Пафосные суждения мужчины лет пятидесяти, нарочито лишённые эмоциональности, которой жертвовали ради успешности проговаривания давно заученной фразы, в жару случайно оказавшегося перед торопящимся на пары студентом и утверждающего каждым щелчком что-то, безусловно, крайне значимое, всё же заинтересовали Ерю, да он не мог так рисковать: всегда он приходил на занятия сильно раньше, ибо нередко были случаи опозданий в связи с совершенно непредвиденными обстоятельствами; обстоятельствами, всегда оказывающимися приличнее нынешних.

— Простите... занятия.

— А! — харизматичная честная инициативность, к себе почему-то привлекающая естественное желание собеседника поверить известному в качестве обманщика человеку, отвлекла загнанного неспособностью отказать студента в постыдное согбенное положение, да мужчина подошёл к нему ещё ближе, впервые прекратив щелчки пальцем и положив крупную неповоротливую руку на потное плечо, освобождённое от веса оставшегося на другой стороне рюкзака. — Парень, ты можешь мне поверить. Всё, что я имею, получено благодаря предательствам, — вероятно, после таких слов необходимо закончить взаимодействие с очевидным проходимцем, но Еря считал совершенно иначе: «Безусловно, он проблемный человек. Нет, я точно уверен, смотря на него сейчас, что он оказался за свою жизнь причиной ещё большего количества бед, чем я!» Нет никаких сомнений: дальнейшее общение приведёт Иеремию к неприятности, однако ни разу ещё он не шёл на столь очевидное согласие с несчастьем, сейчас глядящим на него тупым отсутствующим завлечением. — Я имею игровую зависимость, а также... и крапивницу. Нет, я серьёзно. Я совершенно серьёзно. Вот, взгляни под перчатку; крапивница!

Мужчина, продемонстрировавший кожу под быстро спавшей чёрной плёнкой, обнажил откровенные своей глубиной язвы и обширную красную сыпь, смоченную почти стекающим

с пальцев потом. Иеремия внимательно посмотрел на дёргающуюся щелчками руку, после чего снова обратился к мужчине.

— Я думаю, что это не крапивница.

— Молодость... эх, молодость! — разочаровавшийся в ответе собеседник быстрыми умелыми движениями натянул перчатку обратно и поправил майку, из-за пота обрётшую в середине груди гигантское, даже удивительное правильностью своей формы мокрое пятно. — Чертовский сегодня день. Согласен?

Отвердевающий в разговоре пробивающейся уверенностью голос Ери начал проявлять вполне наглядную неспособность продолжать подобные разговоры, да авантюрная дерзость, на которую он сейчас шёл, переменилась вполне прагматичным холодным предположением.

— Слушайте... а... А можно ли сделать так, чтобы я поставил, например, деньги на одно, почти, в общем, на всё, а вы бы получили с моего проигрыша прибыль?

Медленно вправляющаяся гениальным планом идея в Ере вставала в горячую, выдавливающуюся видимым успехом позу.

— Ну, я не думаю, что это возможно прям так, но... Ну, разве что... если ты, например, всегда будешь ставить на вещь с минимальным коэффициентом и большой шанс, то, наверное, можно, — в мужчине предпринимательская жилка, вернувшаяся суровой утилитарностью обращения со студентом, открылась вместе со внезапно пробившейся совестью; и тому стало даже немного неприятно от странной неуместной жертвенности мальчика, да... — Ладно, это ты... ты забудь про это, я...

Решимость Иеремии была неприлично устойчива, и потому скоро они оказались у давно мёртвого фонтана, ещё принадлежащего к городской части, да уже отвалившегося от общей беготни и настороженной спальной жизни. Только тут мужчина мог без стыда увлечь двадцатилетнего парня азартными играми, и всё время, пока они шли туда, он продолжал удивляться совершенно неожиданному случаю, когда условия, с которыми к нему обратились, оказались выгодны именно ему. Иеремия, подавивший эксцентричность мужчины прочной уверенностью в своей идее, предложил следующий план: три четверти от общей суммы студент вкладывает во все пункты, кроме одного, самого маловероятного, куда и должен поставить до сих пор безымянный мужчина, а полученные после сессии деньги обеих сторон делятся в любом случае пополам. Зависимый от любого крупного риска и сильно нуждающийся в деньгах, тот не мог не согласиться на подобное: только ропотно мельтешащая у головы совесть сбивала оглушающее чувство победы, внезапно и несвоевременно обратившуюся на его сторону удачу. Так, Иеремия решил всё же пропустить учёбу.

— Знаешь, почему я так много щёлкаю пальцем? — как коллеги подошли к фонтану и сели на стёршееся большими пузырями покрытие, мужчина продолжил щёлкать уже

побелевшей потасканностью перчаткой. — Каждый раз, когда я отщёлкиваю, в мире происходит одно событие. Когда я выдаю звук щелчка, событие фиксируется во мне, и тогда я могу определить, была ли прошедшая секунда успехом или нет. Понимаешь? Всё можно характеризовать со стороны успеха, и при этом только он и может оставаться при определённых вводных данных; отсутствие успеха есть обыкновенное неизменное положение, а фиксация неудачи является сильнейшим средством против неё. То перестаёт быть неуспехом, отныне это только факт. А вот успех...

Отлипшая от груди майка полностью открыла близко сидящему студенту вид оголённого волосатого тела. Тем не менее, спустя некоторое время и ряд денежных операций со стороны Ери мужчина начал через телефон показывать студенту выбранный для ставок сайт и его особенности. Договорённость предполагала, что первым ради большего коэффициента на ставке мужчины должно быть действие Иеремии. Всё потребовало аж целого часа, и пора было уже ему уходить обратно, как вдруг заметно поскучевший напарник нашёл удивительно складно подходящий под запрос парня вариант. Шанс выигрыша на одной из позиций был неправдоподобно мал, почему даже десятая от суммы общего вклада коллег при победе дала бы монструозный стократный прирост. Несколько огорчённый всё же необходимостью потратить деньги на очевидную бессмыслицу без значительного результата, как о том думал обутый в тёмно-коричневые старые туфли загадочный незнакомец, решивший сочетать их ещё и с несколько эфемерной, составленной кольчужой перламутровых тонких нитей майкой, он поставил деньги и начал ждать. На ожидание необходимо было отвести около двадцати минут, и тогда мужчина окончательно расстроился: он думал, что мероприятие это будет хотя бы интересным, но заключённый в социальную неловкость и мысли о хитром плане Иеремия молчаливым упором глядел на иногда сбитую кирпичную кладку: всё время до появления результатов они провели в тянущей, хрупкой из нетерпения мужчины тишине.

Предал ли Господь всю землю в руки Его? Точнее будет утвердить, что люди сами вынудили Господа перестать глядеть на себя, ибо дела их были слишком безобразны; стыд есть чувство достаточно полезное, поскольку человеку есть чего стыдиться. Человек будет для вас петлёю и сетью, бичом для рёбр ваших и тёрном для глаз ваших, однако... однако проклят, нужно заметить, не Он...

Тучи, тыкающие в редко проходящих мимо каплями сбитых лёгким бликом лучей, укалывали возрастающее волнение в людях, неожиданно нашедших общий предмет. Отчего же так уверенно Иеремия решил, будто то не просто случится, но и достойно внимания? Вероятно, встреча с этим мужчиной с самого начала не являлась тем, по поводу чего нужно было думать. Рассеянный скромностью эпатаж Ери не мог не пробиваться и среди той стерильной оболочки, что он сознательно продолжал собой представлять. Вечно верный

своему делу, пропустивший только одну смену, совершенный знанием, хотя и не удачей, студент, послушный сын и добрый друг, он вдруг ослаб перед громким словом согласия с очевидным безумием.

Думается, он не должен был того совершать, и выгоднее ему одно продолжить путь или, может, даже попросту прогулять занятие, таким образом выделяющее в нём самую показательную, скрывающую его мертвенный кивок миру заурядность. «Возможно, плохие люди есть плохие люди. Те же, кто совершают плохие поступки, кажется, ещё менее достойны одобрения, чем люди, порождающие дела, отчего-то условленные положительными», — так мыслил Еря, готовый уже оборвать трепетное трусливое ожидание дрожащего из-за трёх тысяч рублей взрослого мужчины; в ходе данной затеи позеленевшее бежевым маслом лицо выправленного напротив Иеремии дома теряло цвет и погружалось в неприглядное резкое уныние, так стойко отзывающее студента от раньше столь приятного помысла, даже удачного или...

— Триста... триста тысяч...

— Что?!

Сбавившееся пока лишь туманно просвечивающимся ветром отчаяние парня опало сомневающимся знанием мужчины, с открытым ртом глядящего на телефон и показывающего результаты ставки студенту. Красноватая литыми пластинами земля дрожала под взвизгивающими плевками, да Иеремия насторожился: выигрыш этот слишком велик; сам он потратил более десяти тысяч рублей, и потому противный случай оказался бы почти критическим, да...

— Давай... давай я переведу тебе часть!!! Удивительно... удивительно!

Прыгающий от счастья мужчина, в итоге сбросивший майку, прежде скрывающую уже покрытую из-за холода гусиными горками кожу, в весёлой радости своей выглядел почему-то гораздо приятнее, и у Ери не было даже самой призрачной мысли по поводу возможного обмана. Этот человек, непременно, потрудится вернуть часть, поскольку именно продолжение события являлось в нём ключевым: не решение в нём отличалось, но совершенство его исполнения. Ветер, уже пресно смирившийся с победой коллег, оголял щиколотки Ери, которому дважды успел позвонить приехавший домой друг, продолжающий свои нелепые аргументы в сторону невозможности самостоятельной установки. Вечер ещё не наступил, но парень не хотел тревожить соседей в позднее, за тем и разрешённое время, да и погода продолжала меняться, притягивая, видимо, схожий вечеру дождь, понемногу касающийся окрасневших лиц прогулявшего пары студента и почти полностью голого мужчины в туфлях. Сильно опоздавший своему восклицанию незнакомец непредательски большой силой тыкал в телефон, оттого будто готовый разломаться. Иногда проглядывающиеся реплики мужчины

давали понять Ере, что с перечислением выведенных денег происходит какая-то ошибка, и тогда: тогда чуть заметный шорох ударившей бедро вибрации показал Иеремии перевод, уведомляющий о возвращении на карту ровно той суммы, что была употреблена на ставку. Мужчина, удивлённо смотревший на дошедшую сумму, утверждал, что никак не мог отослать именно столько. Еря, первое время растерянно сверяющий данные с двух телефонов, неожиданно напарнику выдохнул, чуть видно улыбнулся и сказал, что деньги он может не отправлять.

— А? что... В смысле?! ты же?..

Заметно дрожащий уголок губ выдавал в Ере, держащем теперь ещё сильнее вздутую вену на шее, большую досаду, однако блаженный вид его убедил мужчину в понимании студентом своих действий и их невыгодности. Недолго ещё заверяя его в плохом мобильном интернете и утверждая, что в другом месте может всё получиться, он действительно желал Иеремии заслуженного, но тот только более отворачивался к солнцу, сгибающемуся чёрной сферой нависающих над городом капель, после чего окончательно попрощался с мужчиной почти втрое старше, одетым в одни только расширившиеся возбуждённым стремлением к справедливости туфли и начинающие рваться хрустом коротких швов шорты. Один царь Харейтун, один царь Фирца, и...

Мутные видения дома, скрывающегося в длинных пёстрых иглах дождя, окружали себя однородными звёздами белых надрывов, путающих ультрамариновые волосы едва заметных очертаний домов. Ливень, неожиданно сильно ударивший только часть города, заставил Иеремию какое-то время выжидать под козырьком, горячо отбивающим натягивающуюся поверх крыш влагу. Обессилев от ожидания, ему пришлось всё же ощупать обстановку мгновенно залившейся тяжёлым весом водных одеял ногой; тяжелее решиться бежать было именно из-за страха о телефоне, однако тот студент ловкими, скрытыми от дождя усилиями направил в самую глубину уже значительно промокшего, капающего снизу рюкзака. Протерев воду, взбухшую на лице крупными каплями, такой же мокрой, только чуть размазавшей всё рукой, он ступил скрипнувшей на еле подранном металлическом уголке обувью; шум, громыхающий за козырьком гулким рокотом, смешался со всем из слышимого, и только пищащее эхо держалось в нём, пока частые сильные удары небесных брызг продавливали на его голове безболезненные углубления. Скрывающий глаза растерянно перебивающейся рукой, он словно пытался защититься, да то одно замедляло его быстрый шаг и мешало смотреть вперёд. Действительно нахлынувший пугающим бедствием дождь сильно путал планы решившего сегодня обязательно установить полку Ери. Несмотря на трудность преодоления небезвидных, накрытых оглушающим ливнем пятен района, Иеремия, множество раз через что-либо перескочивший и перелезший, всё же оказался у быстро

проглотившего его подъезда. Студент оказался в почти горячем подъезде, где в первую очередь, чуть заметно вытерев руки о рюкзак, проверил сухость и целостность телефона: к счастью, всё обошлось. Уже не торопясь, Еря, медленно переваливающий за одной ногой другую, ещё сильнее отяжелевшую весом болтающегося в штанах дождя, поднялся по лестнице на последний в доме пятый этаж, на котором жил вместе с соседом и котом. Звонко отщёлкнувшая дверь открыла Ере вид заспанно мурчащего кота, лежащего как раз на принявшей часть удара полки на себя кровати; удивительно, но сейчас Иеремия, словно того и не было, не чувствовал боль от ушиба, должного оказаться достаточно серьёзным.

Студент, откинувший в тесном коридоре неслышно пролившуюся на коврик обувь, с самого начала властно обратился к пирующему на кухне предоставленной мамой едой Дане и спросил об инструментах и дюбелях. Постепенно переодеваясь, Еря продумывал способы установки и креплений, и так серьёзен оказался его вид, что нельзя было на тот момент обличить в нём забавную неопытную слабость ещё нежного возраста. За уверенными словами, звучащими вполне прилично, открылась парням их же желторотость, которую уже нельзя было скрыть вдруг кончившимися словами. С двадцать минут во всём разбираясь, они обнаружили нужные дюбели в большой, заставленной мешающими инструментами коробке и даже немного разобрали ближайшее окружение сверления, так и не догадавшись прикрепить под разметку мешочек. Безызынно пялящий на инструмент Даня передал Иеремии дрель и ключ для её патрона. Глуповато сомневающийся в том, что они делают, студент перехватил дрель и с умозрительным видом выбрал из коробки небольшое сверло, диаметр которого определил с помощью линейки на купленном сегодня уровне. Еря, трусливо разуверовавшийся в своих способностях, но уже стянувший ключом патрон, неуверенно прикрепит боковую ручку и включил дрель в розетку. Оставленный наедине с делом, о котором ничего не знал, и с тупым трусливым взглядом Дани, он выдохнул и, только под конец догадавшись перевести инструмент в ударный режим, начал медленно приводить в действие громко тарахтящую, пугающую и простой активностью дела дрель. Оглянувшись к Дане, работник попросил забрать Игоря в подъезд, как сосед и поступил; нельзя сказать, что Иеремия предложил это исключительно из заботы о коте, ведь совершать ошибки легче в одиночестве. Довольно уверенно идя примерно восемь миллиметров, обрадовавшийся лёгкостью дела Еря упёрся во что-то; тогда начались его долгие нервные страдания.

Вспотевший от волнения и покрасневший из стыда, он всеми силами пытался обыкновенной двухрежимной дрелью пробурить сверлом по дереву бетон несущей стены, однако удалось ему лишь расширить необходимое, не достигающее глубины и до сантиметра отверстие с необходимых восьми миллиметров до трёх сантиметров, попросту выдолбленных снизу не взявшим бетон сверлом. Иеремия был не в панике, но полноценном отрицающем

шоке, и Даня, через каждые десять минут заходящий в квартиру и спрашивающий, всё ли в порядке, сильно сбивал неумелого мастера в его простом деле. Трижды исправив разметку и продолбив ещё четыре больших отверстия, думая, что каждый раз упирается в арматуру, Иеремия всё же догадался поискать в коробке перфоратор, на протяжении всего этого продолжительного времени безмолвно глядящий на него стыдливым выдохом. Перепробовав ещё шесть свёрл и выдавив в стене почти ровную, пока ещё не соединившуюся линию из неудачных попыток, студент наконец смог проделать два пятисантиметровых отверстия для дюбелей, задержав успешного сбежать на первый этаж Игоря и Даню на казавшиеся нескончаемыми три часа. Иеремия удивился выдержке соседа, но та, видимо, объяснялась исключительно открытой пристыженностью. Сломившее души обоих ребят дело было выполнено, хотя под полкой теперь и выпирали нижние края безобразно топорщащихся дыр. Оказалось, полка действительно упала, неизвестным образом раздробив дюбель-гвоздями почти всю глубину дыры в бетоне: это было похоже на неумелую установку, хотя больше Ерю удовлетворяло пояснение, связанное с его неудачами. Студенты, медленно вуалирующие слабые места работы удобным углом, отправили хозяйке фотографии установленной полки и сказали, что, как выразился Еря, «пару отверстий необходимо будет, однако, заделать». Хозяйка, видимо, не подозревающая, что имеются в виду не старые отверстия, дала на то добро и разрешила использовать чрезвычайно уместно завалившийся под стойкой в коридоре ротбанд. Открепив полку и оставив лишь торчащие в разные стороны крепления, Даня ясно удивился полученным результатом, за тем не став говорить лишнего. До приезда его отца ребята успели всё заделать и даже прикрепить теперь прочно стоящую полку. Игоря уже не волновали смягчившиеся шумом строительные работы, и потому пару раз он уверенно прошёлся по горкам бетонной пыли, чем ненамеренно разнёс растёршуюся мелкими камешками крошку по всей квартире. Итог работы выглядел не так плохо, но сегодняшний день оставил на лицах студентов печать стыда и наглядно спавшей авантюренности.

Отец Дани не заходил в квартиру, только приняв вынесенную ребятами коробку. Думая, будто сын его выполнил достойную работу, он восторженно похлопал его по плечу и похвалил. Едва слышный ответ никак не заинтересовал уже отвлёкшегося на радио отца, и тот скоро отъехал. Скромно стоявшие на сырой вечерней улице парни, пристыженные своими неумелостью и неловкой глупостью, видели в отъезжающем на машине мужчине идеал, к которому теперь решили уверенно стремиться. Так закончилось для друзей одиннадцатое мая.

У Иеремии никогда не было мечты, чётких планов по поводу будущего или цели. Вся жизнь парня, не имеющая самостоятельного основания и даже малодушного стремления к удовольствию, устраивалась исключительно защитой от всегда раздавливающих его жизнь бед. Вероятно, страсти в нём отсутствовали также из их совершенной недоступности: Иеремия

не просто не мог помыслить о себе и своём значении: он не имел и самого жалкого минимума, необходимого становлению грешником. Все мысли его, никогда им не называемые хоть сколько-нибудь важными, имели один лишь функциональный характер; он мог только найти средство защиты от жизни, но не саму жизнь, которой никогда не видел. Радость студента никогда не утверждала нечто хорошее, она проявлялась лишь в связи с отсутствием самых последних, окончательно раздирающих его Дух и плоть страданий, что всегда присутствовали в жизни мальчика. Иеремия не был подобен святым подвижникам: совершая подвиг, Еря ломался не только плотью: что-то Большее от него откалывалось с каждым разом, когда необходимо было пересилить себя, и без того восстанавливающегося от напирających бед неизвестным героическим чудом. Люди, видя доброту его, нежелание и неспособность навредить им, поскольку тот не мог и помыслить о долгосрочной выгоде для себя, только сегодня прервавшего эту тенденцию случайно возбуждённой жадностью, утверждали в себе оттого одно хитрое гордое желание обмануть и ограбить несчастного; нравственный преступник улучшает свою жизнь за счёт жизни ближнего, да Иеремия не перешёл ещё через ту границу, когда человеку позволяется хоть помыслить о хорошем. Иеремии не нравится и никогда не нравилась его жизнь: она тяжела, безобразна и бессмысленна. За все двадцать лет своей жизни он ни разу не радовался приобретению, ибо приходилось удивляться тому лишь, что вслед за смертью бабушки и деда не умерли его родители. Люди часто обходились с Иеремией самым скотским образом: они готовы были оболгать, обмануть и оскорбить парня, ведь знали, что он никогда на них не обозлится. Они думали: «Верно, Еря точно нам ничего не ответит. Еря будет терпеть и снесёт эту боль. Еря не будет реагировать на нас именно потому, что к жизни, подобным образом травящей его самыми ядовитыми пытками, к судьбе, смеющейся над ним и распинающей... если он не держит зла на судьбу и жизнь, то, верно, сможет промолчать перед плевком того, кого раньше надеялся называть другом". Иеремией нередко пользовались: в Иеремию плевали, и после того он, вязнувший в пустоте пузырящегося человеческого уродства, продолжал идти вперёд.